

их праотцах, они ещё способны рассказать нам, они ещё могут спеть песню великой правды.

Старые тибетские легенды ещё с очень древних времён привлекали внимание к менгирам и долменам неизвестного происхождения. Память тибетского народа так свидетельствует об этих Великих Странниках: «Из далёкой Индии отправились два принца и пошли на Север. По дороге один из принцев умер, а его брат почтил его память, возведя над ним сверкающее жилище из огромных камней. И сам продолжал свой длинный путь в неизвестные земли».

Так знает память народа!

Тангу, 1928

БЕЛОВОДЬЕ

«Ещё до сих пор держится старообрядческая легенда о Беловодье — райской стране, где нет и не может быть антихриста, где живут православные христиане и нет никаких гонений за веру. Такая мифическая страна, сохранившая в чистоте веру, казалось, должна была быть где-то на востоке. Быть может, на эту мысль наводили предания о распространении христианства в Средней Азии, Индии, Китае, на Цей-

лоне и в Монголии ещё с III века манихеями¹ и несколько позднее, с V века, несторианами². Возможно, что легенда поддерживалась тем соображением, что христиане в глубине Азии, оторвавшиеся давно от главной церкви, потерявшей свой авторитет, лучше сохранили первоначальную чистоту веры. Эти легенды о такой стране, где сохранилась истинная православная церковь, особенно широкое распространение получили к концу XVII века, когда в Московском государстве начались преследования старообрядцев. В XVIII веке среди старообрядцев появилось рукописное описание путешествия некоего беспоповского инок Марка³ из Топозерского скита Архангельской губернии. В этом путешествии дано точное описание пути за Урал, через Сибирь, через пустыню Гоби и Китай до океана, называемого Беловодьем, на котором стоит “Опоньское” (японское) царство. Здесь-то и находится место, где живут истинные христиане и где имеется до сорока российских церквей. Под влиянием этой легенды, так реально описывающей самый маршрут с указанием даже лиц, к которым можно “зайти на фотеру”⁴, среди старообрядцев укрепилось стремление найти эту обетованную землю. Такое Беловодье искали старообрядцы в разных местах Сибири, куда из Европейской России их тя-

нули простор и глушь ещё не тронутых, не заселённых мест. Приходя в Сибирь, старообрядцы сталкивались постепенно и здесь с “антихристовыми” порядками, и само Беловодье в их представлении отодвигалось ещё дальше. Долгое время Алтай и сама Бухтарма, куда не достигал глаз начальников, считались таким Беловодьем и притягивали к себе беглецов из старообрядческой среды. Но попадая сюда, в обетованную землю, на Бухтарму, старообрядцы при всех положительных и привлекательных сторонах этого края всё-таки видели ряд несоответствий своему идеалу и, в силу присущей человеку неудовлетворённости, стремились найти ещё лучшие места, и опять это легендарное Беловодье отодвигалось ещё дальше на восток, в Китай и в “Опоньское царство” Легенды об этом Беловодье, лежащем далеко на востоке, не раз в истории бухтарминских кержаков претворялись в действие; известны неоднократные попытки бухтарминского населения идти на поиски такой обетованной земли, где в полном благоденствии живут праведники. Сама Бухтарма уже перестала быть Беловодьем и превратилась в своего рода “сборный этап беловодцев”⁵, то есть ищущих легендарное Беловодье. Известны случаи, когда в 40-х и 60-х годах прошлого столетия большие партии старообрядцев

снимались с места и уходили из Бухтарминского края на поиски Беловодья. О путешествии бухтарминцев в 40-х годах мы имеем мало сведений, но на Бухтарме немногие из кержаков ещё помнят рассказы об этом хождении. Так, нами были записаны некоторые, правда, весьма спутанные сведения от Г.Н.Коновалова, одного из наиболее передовых кержаков д. Печей, о хождении его деда на Беловодье⁶ вместе с другими двумя братьями в числе большой группы беловодцев. По этим сведениям, беловодцы ходили в Китай, направляясь через Зайсан на Чёрный Иртыш, оттуда в глубину Китая. Китайцы их ловили как беспаспортных и направляли обратно. Ходили также в Афганистан и в Индию (немного не доходили до Калькутты). По-видимому, эту попытку следует поставить в связь с возникновением в 40-х годах в Буковине (Австрия) в селении Белая Криница белокрыницкой, или австрийской, иерархии. Ещё в 30-х годах намечалась тяга наиболее предприимчивых старообрядцев на восток, в целях отыскания епископов дониконовского благочестия. После последней попытки иноков Павла и Алимпия в 1844 г., побывавших в Сирии, Иерусалиме, Египте и не нашедших нигде чистой веры, эти поиски до некоторой степени теряют свою остроту, и внимание старообрядцев

обращается на Белую Криницу, селение, образовавшееся в 1783 г. Самое название этого селения — Белая Криница — на языке буковинских славян есть то же Беловодье. Часть старообрядцев признала святость этой новой иерархии, часть же от неё отвернулась и не признаёт белокриницкого священства. И бухтарминские старообрядцы, так жадно искавшие древнее Беловодье, живя бок о бок в одном селении с белокриницкими священниками, не признают их. Наиболее передовые из кержаков сознают трагедию кержаков, искавших прежде Беловодье на востоке, в Китае (и верящих и сейчас, что оно там), в то время как оно на западе, в Буковине, в Румынии, и не сознающих, что презираемая ими “крымская” (исковерканное от “Криница”) вера и есть то древнее благочестие, которое разыскивалось стариками.

О более поздней попытке найти Беловодье в 1861 году сохраняются более яркие воспоминания. Так, в д. Белой ещё сейчас живы некоторые 75 – 80-летние старики, которые сами, будучи детьми, принимали участие в этом походе. От одного из них, ещё ныне здравствующего Ассона Емельяновича Зырянова, в 1914 году А.Н.Белослюдовым⁷ записан рассказ об этом путешествии, с приложением даже маршрутной карты, составленной самим стариком Ассоном без

всякого знания географии, и, конечно, с внесением целого ряда субъективных представлений о расстояниях и положении тех или иных пунктов. Самому Ассону было всего 12 лет, когда он вместе с остальными кержаками в числе 130 человек отправился на Беловодье под предводительством его отца Емельяна, не раз бывшего в Монголии и знавшего китайский, монгольский и маньчжурский языки. В описании, данном А.Н.Белослюдовым, рассказывается только о путешествии жителей д. Белой. По словам Данилы Петровича Зырянова (“дедушка Данила”, как зовёт его вся деревня), много рассказывавшего нам о поисках Беловодья вообще и, в частности, об этом последнем путешествии, в этом походе принимали участие не только беловцы, но и кержаки из деревень — Коробихи, Сенной и других. По словам Данилы Петровича, беловодцы отправились семьями “аргышем большим”, то есть большой толпой, с жёнами и детьми, захватив с собою старые книги и иконы; на коней навьючили пропитание, сколько могли увезти с собой, и пошли на восток, через китайские земли. С Бухтармы вышли в июле. Шли сначала по знакомому для предприимчивых кержаков торговому тракту на г. Кобдо, далее по озеру и р. Кара-Уссу (в кержацком произношении р. Карыша) на г. Улясу-

той (в кержацком произношении Валустой). Китайские власти встречали их хорошо: препятствий не чинили, кормили, снабжали провиантом и давали проводников. Далее уже пошли места незнакомые. Через три месяца пути по степям Монголии, когда путники уже устали от долгого пути и потеряли надежду прийти в обетованную землю — среди них начались несогласия; часть решила вернуться назад: начались споры между отчаявшимися и упорными, вплоть до драк. Большая часть, потеряв в пути многих своих членов, умерших от истощения и болезней, растратив всё, что имела, вернулась назад. Небольшая же кучка отправилась дальше; трое из них добрались до Пекина и некоторое время жили там, а затем вернулись на Бухтарму. Дальше они и не пошли. “Но немного им и осталось дойти-то, — говорит Данила Петрович. — Дальше идёт море глубокое, и на том его берегу стоит крепость страшная, и живут в ней праведники, сохранившие веру истинную, бежавшие от бергальства, от солдатства (ратники были). Попасть к ним можно, перейдя это море, а по морю вывешена дорога фертом (лошади по брюхо, на одни сутки пути). Слух идёт, что и сейчас живут они там, хранят древнее благочестие” Следует отметить, что до сих пор рассказы о Беловодье передаются с пол-

ной верой в реальность его существования». Так рассказывают Е.Э.Бломквист и Н.П.Гринкова в книге «Бухтарминские старообрядцы»⁸.

В «Огнях в тумане» Вс.Иванов приводит эпизод из беловодской эпопеи: «Где-то на востоке сохранилась до сей поры нерушимо сказочная страна, именуемая Беловодией; по другой версии — называется она Камбайское царство; в ней царствует истинная, православная вера, насаженная там непосредственно ещё апостолом Фомой. Там есть патриарх, епископы, церкви; там царит справедливый царь. Правда, церкви там всё больше ассирийские, но есть и русские, числом 40. Там нет ни убийства, ни татьбы (воровства), там царит истинное благочестие.

Как же пройти туда? У Мельникова-Печерского имеем сведения, что известен туда маршрут со слов инока Марка Топозерской обители, ходившего туда в XVII веке.

В середине XIX столетия явился на Руси некий епископ Аркадий, который во всеуслышание объявил себя “епископом Беловодского ставления”; были у него и документы: ставленная грамота за собственноручным подписом “смиренного патриарха Славяно-беловодского, Камбайского, Англо-индийского, Ост-Индии, Юст-Индии, и Фест-Индии, и Африки,

и Америки, и земли Хил, Магелланские земли, и Бразилии и Абиссинии”

Со слов-то этого епископа Аркадия и были получены точные сведения о том, где именно находится эта блаженная страна; вот что он повествовал: “Есть на востоке, к южной стороне за Магеллановым проливом, а к западной стороне — за Тихим морем Славяно-беловодское царство, земля Патагонов, в котором живут царь и патриарх. Вера у них греческого закона, православного, ассирийского или просто сирского языка, царь там христианский, в то время был Григорий Владимирович, царицу же звали Глафира Осиповна. А патриарха же звали Мелетий. Город по-ихнему названию Беловодскому — Трапезанцунсик, а по-русски перевести, значит — Банкон или Левек. Ересей и расколов, как в России, там нету, обману, грабежу и лжи нет же, но во всех — едина любовь...”⁹

Туда-то и была отправлена в 1898 году экспедиция из уральских казаков-староверов. В депутацию вошли — урядник Рубеженской станицы Бонифатий Данилович Максимычев, Онисим Ворсонофьевич Барышников, Григорий Терентьевич Хохлов; от ревнителй древнего благочестия было им отпущено 2.500 рублей на путевые расходы, да город Уральск прибавил 100.

Выехали они 22 мая из Одессы и скоро были в Константинополе, где чуть-чуть не засыпались, потому что везли с собой, как люди военные, для-ради дальнего пути револьверы и патроны; с трудом высвободил их русский консул.

Как водится, нанесли наши казаки визит патриарху Константинопольскому по своим раскольниковым делам и видели массу достопримечательностей: в церкви Балаклы сами видели рыбу, которую в зажаренном виде кушали царь Константин, когда турки ворвались в Византию — рыбы как были, так и соскочили в воду и до сих пор плавают с обжаренным боком; осматривали знаменитую церковь Дмитрия Солунского, причём при переходах в тёмных катакомбах храма, опасаясь вероломства проводника, за неимением отобранных револьверов держали наготове ножи, чтобы воткнуть их гиду в живот в случае его подозрительных действий. Но всё обошлось благополучно. В Иерусалиме посетили, между прочим, подлинный дом милосердного самаритянина и видели ту самую смоковницу, на которой сидел Закхей; любопытствовали посмотреть обращённую в соляной столб жену Лота, но оказалось, что её вывезли уже в музей проворные англичане...

Двинулись дальше на французском пароходе без

языка, без проводника и шли Красным морем; всю ночь просидели на палубе, ожидая фараонов, которые должны были бы спрашивать наших путников: “Скоро ли светопреставление?” Но ничего не видали и не слышали...

24-го июня прибыли в Сингапур, и тут высадившись, были немало изумлены видом “извозчиков”, которые не имеют ни рубахи, ни штанов, сами входят в оглобли и везут людей.

С “извозчиками” этими вышел инцидент — зашли благочестивые казаки в какой-то магазин, и “извозчики” стали требовать расчёта. Тогда Григорий Терентьевич Хохлов вскочил со стула, чтобы расправиться с ними по-казачьи. Насилу успокоили.

29 июля подошли к Сайгону, по мнению уральцев — к Камбайскому царству (Камбоджа), и на восходе солнца над пальмовым лесом услышали благовест. Наши, стало быть! Радость была большая!

Спустившись с корабля, сели на “бегунов” и двинулись на зов. Оказалась французская церковь с латинским крестом...

Напрасно наши казаки расспрашивали и какого-то русского фармацевта, торгующего в Сайгоне, и русского консула — никто ничего про страну истинного благочестия — Беловодье — сообщить им так и

не мог... Не нашли они этой страны! Только одно их там весьма заинтересовало — изображение Майтрейи — так называемого “Грядущего Будды”, у которого оказались пальцы сложены для двуперстного знамения... И через Китай, где обратили внимание на “белые воды реки Кианги”, Японию и Владивосток вернулись домой.

Они так и не нашли на земле истинного блаженства Беловодского царства.

Но какой ещё народ пойдёт искать по земле, чтобы найти где-то привлекательную сказочную мечту свою, найти её в реальных формах?)»

В 1926 году мы на Алтае записали несколько сведений о странствиях в «страну чудную». Видели и письмо, написанное с пути в Беловодье. Живут сказания! Искры действительности и пленительный вымысел в них переплетены щедро и вдохновенно. Азийские просторы в неисчётном изобилии овеяли странников, взыскующих светлого града.

Смутитель не преуспеет. И монголы и сарты, каждые в своих словах, поддержат путника. Бережно и сердечно отзвучат на его поиски.

Шабистан. Шамбала. Беловодье.

12 Июля 1936 г., Урусвати